

ГОСТЬ

— Так, времени нет! Одна репетиция, а потом сразу снимаем! Свет поставлен? Камера готова? Все вышли из кадра! Начали! — Так вчера один богом забытый подъезд на Чистых прудах с винтовой лестницей удостоился чести слышать голос певца и режиссера Анатолия Бальчева по прозвищу Кипа. Он снимает русско-американский фильм "Человек из Сан-Франциско". Совсем небольшую роль талантливого ученого сыграл Даниэль Ольбрыхский.

Поймать Ольбрыхского и в самом деле непросто. Два часа на съемку в Москве, потом улетает в Варшаву, назавтра — в Прагу, спустя неделю — в Париж, затем — в Монте-Карло. Роль в русско-американском проекте досталась ему совершенно случайно.

— Толя в последний момент решил, что я могу быть ему полезен. Но он не знал, как можно быстро со мной связаться. Когда на меня вышел, было уже поздно: пора завершать съемки! Ну что мне можно сыграть за два дня?... Решились на роль ученого — скажем, Сахарова, который в конце жизни чувствует себя виноватым за то, что бомбу придумал.

— Это прообраз?

— Да, а мой ученый научился видеть ауру человека и как бы манипулировать мозгом... И вот в эпизоде, что мы сейчас снимаем, он встречается на лестнице с бывшим разведчиком Филом (украинский артист **Олег Драч**), который для своих нужд хочет добыть мое изобретение. Но я говорю, что не позволю этой гадости выползти из лаборатории... Любопытнейший диалог. Но мне было немножко сложно, потому что текст я получил прямо перед отлетом в Москву. Учил в самолете... К тому же снимаем в двух версиях: по-русски и по-английски, — потому что фильм, возможно, пойдет и в американском прокате... Видите, я свободно говорю по-русски, но иногда путаюсь в ударениях.

Дело в том, что в эпизоде на лестнице должен был сниматься Михаил Шемякин — в качестве самого себя. Но из-за каких-то нестыковок Шемякин улетел в Америку. Впрочем, в качестве себя любимого теперь имеется **Борис Хмельницкий**, который просто посидит в рес-

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

КАК ДАНИЯ И КИПА КИНО СНИМАЛИ

Ольбрыхский осознал себя Сахаровым

торации, обаятельно улыбаясь.

— Так что, — продолжает Даниэль (с толстым слоем пудры на щеках, в куртке навыпуск), — я всегда готов идти навстречу подобным сумасшедшим идеям. Да еще мне и платят за это. И платят почти нормально. Почти по-европейски.

— Бальчев, думаю, вас не обидит... Давно с ним знакомы?

— Много лет. Познакомились на одном кинофестивале, где я получил премию за лучшую мужскую роль в фильме "Березняк" Вайды. Вот там-то и встрети-

лись я, Толя, Никита Михалков. Поехали на мою маленькую дачу под Варшавой, выпили немного. Толя тогда запел под гитару вместе с моим сыном. Пели песни Высоцкого...

— С Высоцким вы были близкими друзьями?

— Разумеется, еще до личной встречи я полюбил Володины песни. Он меня называл своим польским братом... Да, Высоцкий — это один из самых близких и дорогих для меня людей. Сегодня я, наверное, уже не успею, но каждый раз, когда я на несколько дней остаюсь в Москве, никогда не забываю сходить на Ваганьковское кладбище. Там иногда стоят люди моего поколения, так они расступаются и говорят: "Вот, польский брат пришел. Пропустите..."

— Вы сейчас в Варшаве живете, не во Франции?

— Из Польши я уехал после 1982 года, когда Ярузельский установил там тоталитарное время. На несколько лет страна потонула в ужасе. Я не знал, что делать, работы вообще нигде не было — ни в кино, ни на телевидении. Да актеры и сами не шли на телевидение, старались работать либо в театрах, либо в костелах читать стихи, потому что экран стал пропагандой самой гнусной лжи. Кстати, католическая культура в трудное время объединяла народ. Тогда же, в 82-м, некоторые умные люди сразу поняли, что, находясь внутри страны, я буду опасен, буду устраивать

какие-то политические скандалы. А зачитать меня в тюрьму им было немножко неудобно...

— Но очень хотелось, да?

— Ограничились ночным арестом на 24 часа. У меня дома даже телефоны не работали. И как раз в этот момент меня пригласили в Париж на съемки фильма. Но я не мог уехать — не выпускали, пока не вмешались очень большие люди с французской стороны вплоть до Миттерана. Конечно, я не знал, когда снова увижу Польшу. Знал, что никогда не вернусь на колени. Сидя в Париже, так прикидывал в уме: а что я вообще умею делать? Думал: ну, буду либо актером, либо учителем верховой езды. У меня есть официальный диплом, и я могу на этом деньги зарабатывать...

Сегодня пан Ольбрыхский политически трезв и по-прежнему принципиален.

— Скажем, есть люди, которые работают или нет, но настаивают на строго фиксированном заработке в 2000 злотых. Этот рак мозга останется, похоже, еще на одно поколение. Не так просто изжить эту коммунистическую ментальность, когда люди уверены, что можно запросто воровать, спекулировать... Привычка. Вот взять страны Евросоюза и посмотреть, какая где продуктивность труда. У словенцев — 78%. Очень уважаю словенцев поэтом. В Польше эта продуктивность — стыдно сказать — 38%. Нет, знаете ли, я большой антикоммунист, антисоветчик, но при этом, касательно вашей страны, я филорус.

— Русофил?..

— Да! Уважаю все грани русской культуры. Даже во времена тоталитаризма кино и театр у вас блестяще функционировали! При этом в Польше был переизбыток русских фильмов, причем из 40 картин 30 было плохих. Но это соотношение выше, чем у нынешнего короля проката — американских фильмов. А я — гражданин мира. Только мира кино. Вот такой у меня паспорт.

Анатолий Бальчев уже чуть ли не подталкивал Ольбрыхского к лестнице. У последнего в пять — самолет. Осталось полтора часа на съемки — тут же до интервью...

Ян СМЕРНИЦКИЙ.